

22142061

RUSSIAN A: LANGUAGE AND LITERATURE – HIGHER LEVEL – PAPER 1
RUSSE A : LANGUE ET LITTÉRATURE – NIVEAU SUPÉRIEUR – ÉPREUVE 1
RUSO A: LENGUA Y LITERATURA – NIVEL SUPERIOR – PRUEBA 1

Friday 9 May 2014 (morning)
Vendredi 9 mai 2014 (matin)
Viernes 9 de mayo de 2014 (mañana)

2 hours / 2 heures / 2 horas

INSTRUCTIONS TO CANDIDATES

- Do not open this examination paper until instructed to do so.
- Question 1 consists of two texts for comparative analysis.
- Question 2 consists of two texts for comparative analysis.
- Choose either Question 1 or Question 2. Write one comparative textual analysis.
- The maximum mark for this examination paper is *[20 marks]*.

INSTRUCTIONS DESTINÉES AUX CANDIDATS

- N'ouvrez pas cette épreuve avant d'y être autorisé(e).
- La question 1 comporte deux textes pour l'analyse comparative.
- La question 2 comporte deux textes pour l'analyse comparative.
- Choisissez soit la question 1, soit la question 2. Rédigez une analyse comparative de textes.
- Le nombre maximum de points pour cette épreuve d'examen est *[20 points]*.

INSTRUCCIONES PARA LOS ALUMNOS

- No abra esta prueba hasta que se lo autoricen.
- En la pregunta 1 hay dos textos para el análisis comparativo.
- En la pregunta 2 hay dos textos para el análisis comparativo.
- Elija la pregunta 1 o la pregunta 2. Escriba un análisis comparativo de los textos.
- La puntuación máxima para esta prueba de examen es *[20 puntos]*.

Выберите вопрос 1 или вопрос 2.

1. Сделайте сравнительный анализ следующих двух текстов. Прокомментируйте сходства и различия в текстах, определив особенности контекста, аудиторию, которой они адресованы, поставленные авторами цели, а также художественные приемы и стилистические особенности текстов.

Текст А

Если когда-нибудь здесь будет музей, посетители станут судить о бывшем хозяине квартиры – дух его витает – по предметам обстановки и прочим артефактам, выставленным на обозрение. Портрета недостаточно, чтобы наглядно и ощутимо проникнуть в личность протагониста экспозиции, так что пожалуйста: вот вам его письменный прибор, книги, сигареточница, трость и сюртук – вещи, очеловеченные пользователем и призванные повествовать о хозяине и его жизни. Чем больше дистанция, тем, разумеется, посетителю любопытнее и вне связи с личностью – ну разве что в связи со своей собственной: занятно примерить эту обстановку на себя. Все здесь, однако, устроено так, как если бы законсервированный в предметах образ повседневной жизни действительно мог пролить свет на все остальное, на самое главное – на то, чем, собственно, и интересен покойный.

[...] Как-то рассказывали про знакомого знакомых, который принципиально не выбрасывал мелочей: он аккуратно собирал все билеты и билетки, все квитанции, все счета, чеки, программки и объявления. Тут были и конфетные фантики, и бескорыстно отобранные у подростков сигареты (бескорыстно – потому что сам он не курил). Случай крайний, но показательный: вне памяти данного индивида эти клочки бумаги не значат ничего такого, что вызывало бы эмоции. Ну, состоялась когда-то поездка в трамвае, съедена была конфета «Белочка» – все мы делали это многократно, всякий раз отправляя конфетную обертку или использованный билет по назначению (в урну – или, если кто помнит: «Для использованных билетов»). Но вот мы сохранили эти мелочи жизни, эти обертки ее и отходы – все они для нас суть овеществленные воспоминания (в потенции, по крайней мере). Казалось бы, почему нет – все разумно. Признак того, что у коллекционера не все дома, здесь только в серийности, неединичности предметов – и в отсутствии подписей. Все поездки в трамвае не упомнишь, да не все они того заслуживают – и без подписи (вроде «25 июня 1969 года в трамвае номер 31 я познакомился с Люсей») билетик теряет смысл. На подпись уже не хватило душевных сил, жадность катилась по инерции; но надо же проводить время жизни. [...]

Помоечно-свалочная рухлядь в домашних владениях иных пожилых людей (которые тоже не любят выбрасывать и тоже подбирают) наделена более отчетливым значением. Собирателю кажется, что все это однажды в хозяйстве как-нибудь, к случаю, понадобится – зачем вещам пропадать? Можно куда-нибудь приладить, в баночки посадить рассаду, из досок сколотить ящик для цветов. Если руки дойдут. Не рационализация ли это потребности в душевной привязанности и расширении, хотя бы и по инерции, сферы окружающих вещей? [...]

Вспоминается картина, однажды поразившая мое детское воображение наивным и грубым, но отчетливым даже для ребенка символизмом: на куче мусора, между полусгнивших тряпок и ржавых жестянок, распустился не ведающий стыда нарцисс. Столько лет прошло ... а вот и пригодился, поставлю его сюда. Ведь ничто, хотя бы и с помойки, не должно пропасть зря – в том числе и воспоминания.

Илья Утехин, отрывок из эссе *Любимые вещи* (2004)

Текст В

Илья Кабаков, инсталляция *Человек, улетевший в космос из своей комнаты* (1984)

2. *Сделайте сравнительный анализ следующих двух текстов. Прокомментируйте сходства и различия в текстах, определив особенности контекста, аудиторию, которой они адресованы, поставленные авторами цели, а также художественные приемы и стилистические особенности текстов.*

Текст С

Меня ждали шестнадцать лет ...

Ужасно быть поздним ребенком! Я-то уж знаю! Ранние дети появляются быстро, сами собой, как отметки в дневнике, если ты пошел в школу. А позднего ребенка ждут не дождутся и, когда наконец дожидаются, начинают проявлять такую любовь, такое внимание, что ему хочется сбежать на край света, а то еще и подальше.

Родители ему говорят: «Мы тебя ждали! Так ждали! ...» – будто он задержался в кино или на улице.

Я – поздний ребенок. Мои родители сразу хотели иметь мальчишку, а заимели Людмилу ... Это моя сестра. Все втроем, вместе с Людмилой, они мечтали, чтоб я родился. И вот через шестнадцать лет мечта их сбылась!

Поздновато, конечно. Но что же я мог поделать?

Я не помню, с какого возраста я себя помню. Но в ту пору, с которой помню, я часто, казалось, слышал: «Ты – сюрприз! Ты – драгоценный подарок!» Теперь мои родители стесняются громких фраз. Может быть, и раньше они таких точно слов не говорили. Но какие-то вроде этих ... Я стал драгоценным подарком, как чашка, которая, нарядная и чистая, стоит за стеклом, но из которой никогда не пьют чай.

Меня берегут! Конечно, каждый по-своему, потому что у каждого взрослого в нашей семье свой характер.

Вот, например, если я собираюсь куда-нибудь в лыжный поход, мне запрещают все трое. Но запрещают по-разному.

Первым, конечно, отец. Он огромный мужчина. Похож на Хемингуэя, который висит над столом у Людмилы. Только без бороды. Но такой же седой и в морщинах.

В жизни ему приходилось трудно, и поэтому он хочет, чтобы я от всего получал удовольствие. Нет, он не откажет напрямую: он попытается, чтоб и это мне было приятно. Даже отказ!

– По долинам и по взгорьям? – пропоет он так, что будет слышно внизу, во дворе: у отца громкий, раскатистый голос. И он любит цитировать песни. Не стихи, не пословицы, а именно песни. – В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи! ...

Отец обязательно пропоет что-нибудь на подходящую тему. В эти минуты, мне кажется, он усиленно соображает: придумывает, как бы не огорчить меня своим отказом, а, наоборот, доставить мне удовольствие. От напряжения лицо его становится красным. Краска ползет к ушам, заливая всю шею. Из-за белых волос это особенно заметно.

Он говорит так громко, будто объявляет со сцены:

– А я хотел пойти с тобой завтра в кино! Ты ведь тоже хотел?

Я соглашаюсь. Хотя меня гораздо больше тянет в лыжный поход. Я не спорю с отцом. Бесплезно: я поздний ребенок, меня берегут.

– Хочешь, любое, мой сын, выбирай! – поет отец громким голосом хана Кончака из оперы «Князь Игорь». Иногда он переиначивает слова арий и песен по-своему, чтобы они подходили. – Любое, мой сын, выбирай! ... Но раз ты хочешь идти в кино, я ликую!

Он долго еще ликует. Так, что слышно внизу, на улице.

По правде сказать, не только отец – все в нашем доме говорят громко, потому что мама не очень хорошо слышит. Это случилось, когда я родился. Значит, поздние дети, которых так ждут, приносят не только радость ... Мне не сказали, что это из-за меня, чтобы не огорчать. Но я-то уж знаю! Однажды я слышал, как доктор сказал: «Последствия родов. 45 Вряд ли пройдет». Уж лучше бы я не родился!

Анатолий Алексин, отрывок из повести *Поздний ребенок* (1968)

Текст D

Татьяна Ткачук: [...] давайте послушаем, как москвичи отвечали на улицах города на вопрос: «В чем, по-вашему, особенность жизни и отношений с родителями поздних детей?»

– Да, это мой случай. Маме было 33 года, а папе был 51. Особенность в том, что более доверительные отношения. В какой-то момент получается, что ребенок активно поддерживает родителей и как-то уравниваются члены семьи, то есть нет никакого диктата со стороны родителей или непослушания со стороны ребенка. [...]

– У меня есть поздний ребенок, да. Мне 59, ребенку будет 19 лет. Может быть, я в какой-то степени вынуждена была совмещать роль мамы и бабушки и, как бабушка, я ее избаловала. Теперь бедный ребенок избалованный, ей будет, наверное, самой трудно в жизни. [...]

Татьяна Ткачук: Мы как раз говорим сегодня о том, что поздних детей становится все больше, и в России в том числе. И мне бы хотелось все-таки сегодня поговорить [...] о том, как вырастить и каковы отношения будут между родителями и поздними детьми. [...]

Слушатель: Вот у меня такое мнение. Допустим, когда рождается поздний ребенок, то родители, как правило, они уже психологически созрели к его воспитанию и воспитывают его сами, уже этот ребенок не воспитывается никакими ни дедушками, ни бабушками, он менее избалован. Потому что, как правило, молодые родители, они учатся, им некогда, им хочется еще своей жизнью заниматься, как говорится, молодой, без детей. И эти дети просто повешены на дедушек и бабушек. [...]

Павел Качалов: Что касается психологического отношения к позднему ребенку со стороны матери (добавлю, и со стороны отца, что тоже немаловажно), я бы сказал, что это отношение несколько более человечно, чем отношение к очень ранним детям. Потому что отношение к очень ранним детям часто напоминает отношение старших братьев и сестер к младшим, то бишь в них есть больше требовательности, больше жестокости и даже садизма. [...]

Татьяна Ткачук: [...] Мне бы хотелось поговорить немножко о баловстве, потому что поздних детей все-таки балуют больше, чем детей ранних.

Вот цитата из репортажа одной из центральных газет: «Детская площадка. Дама с коляской, разукрашенной, как новогодняя елка. Говорит: «Да, у меня поздний ребенок, и я, естественно, его балую. Хочу, чтобы у него все было лучше всех! Я не собираюсь экономить ни на игрушках, ни на чем бы то ни было для него в будущем!»

Виктория, получается, что зрелость зрелостью, а элементарный ум отказывает таким мамам? [...]

Виктория Потапова: [...] это как раз не показатель зрелости психологической, а показатель того, что ребенок используется в каких-то своих нарцисстических таких вот переносах на него своих собственных желаний. Потому что очень важно все-таки уметь проставлять границы. [...]

Татьяна Ткачук: Виктория, спасибо. [...] К сожалению, наше эфирное время подошло к концу. Конечно, проблему мы не решили, мы всего лишь ее, как всегда, затронули
40 и смогли, может быть, заинтересовать наших слушателей.

Поздний ребенок может «получиться» любым – капризным и избалованным, привыкшим, что с него сдувают пылинки, или, наоборот, интеллектуально продвинутым, талантливым, с задатками лидера. Неоднозначное отношение общества к поздним родам, на мой взгляд, скорее объясняется все-таки тем, что, ну не любят в России по-прежнему
45 ничего нестандартного.

Татьяна Ткачук, передача на Радио Свобода *Поздние дети* (2005)
